

Глава 6

Дворец Цзюйань

Пока его венценосный отец, волей долга принужденный подниматься в глухую рань, уже вовсю занимался государственными делами, Цюй Дубянь нежился в постели. Он проснулся сам, без чужой помощи, когда солнце окончательно вытеснило ночную прохладу из покоев.

Умываясь, он не без ехидства размышлял:

«Интересно, пролил ли мой дорогой папаша хоть одну слезинку, когда очнулся?»

Дубянь намеренно сделал эту шестую жизнь финалом их трагической связи, не оставив надежды на новую встречу в ином воплощении. Он слишком хорошо знал человеческую натуру: по-настоящему мы ценим лишь то, что утрачено навсегда. Недостигаемое совершенство ранит сердце куда глубже, чем обещание грядущей встречи. Неважно, какой титул носит человек — эта слабость едина для всех.

Выстроить канву из шести жизней было делом необходимости. Дубянь плохо знал подробности отношений императора и наложницы Юнь, располагая лишь скудными рассказами Спутника Е. В таком деле, как создание призрака матери во сне, любая лишняя деталь могла обернуться ошибкой. А вот вымышленные прошлые жизни давали простор для фантазии.

В своем сценарии он делал упор на чувства, используя обрывочные, как хлопья снега, видения. Он намеренно избегал упоминаний о государственном устройстве, культуре или войнах того времени. Дубянь ещё слишком плохо понимал реалии Великой династии Чжоу. Если бы он случайно вплел в канву сна детали истории или военного дела из своего прошлого мира, это могло бы вызвать подозрения. Разгневать отца в его положении означало подписать себе смертный приговор.

Сейчас же всё шло идеально. В снах была только любовь. Если отец поверит в них, то, как бы он ни пытался докопаться до истины, он ничего не найдет. В конце концов, ему останется лишь смириться с буддийской мудростью: «в одном цветке — целый мир».

Даже если государь усомнится в подлинности видений, в его сердце уже посеяно зерно недоверия к Астрологическому управлению. А короткая просьба Юэцин позаботиться об их сыне должна была пробудить в этом суровом человеке хотя бы каплю отцовской нежности.

Прошло ещё несколько дней.

Вэнь Сяочунь раз за разом пытался получить бумагу и тушь во дворце Цзинхэ, но всякий раз

натыкался на глухую стену отказов. В конце концов он сдался.

Обучение грамоте, так и не начавшись, замерло на мертвой точке. Дубянь считал дни, то и дело поглядывая на ворота дворца, но ожидаемые перемены не спешили наступать. Никаких щедрых даров, никакого тайного внимания, не говоря уже об улучшении условий жизни.

Он чувствовал, что сердце его папаши действительно сделано из камня. Прошло три или четыре дня, а от него ни слуху ни духу. Даже если он ни на грош не верит снам, мог бы хоть ради приличия прислать кого-то навестить собственного отпрыска. Или, в крайнем случае, распорядиться о нормальной еде. Он ведь всё-таки ребенок, ему нужно расти!

Душа монарха — потемки. Возможно, наложница Юнь вовсе не была так любима, как расписывал Спутник Е.

«Ладно, забудем об этом. Если этот путь закрыт, придется придумать что-то другое»

— Сяочунь! — крикнул Дубянь в сторону двери.

Вэнь Сяочунь вошел в комнату и, увидев, что мальчик уже надел нижние одежды, мягко улыбнулся:

— Почему же Ваше высочество не дождалось меня? Самому ведь так неудобно одеваться.

— Так быстрее.

На самом деле Дубяню было просто неловко: всё-таки он не был двухлетним ребенком. С нижним платьем он вполне мог справиться сам, а вот с верхним, многослойным нарядом, помощь была необходима.

Сяочунь быстро привел его в порядок. Когда лицо Дубяня коснулось полотенца, смоченного в горячей воде, остатки сна окончательно улетучились.

— Пойдем на улицу, попрактикуем тайцзи.

Свет, льющийся из окна, обещал погожий день. Дубянь уже неплохо освоил движения, но всё равно просил Сяочуня вести его. Вдвоем заниматься было веселее.

Маленький дворик был вымощен серым кирпичом. В углах, где редко ступала нога человека, пробивалась пожухлая трава. Летом её следовало вырывать, чтобы не плодить мошкар, а зимой можно было оставить как есть.

В том месте, где солнце задерживалось дольше всего, были натянуты две бечевки для сушки белья. Сегодня на них ничего не висело, зато на земле были разложены дрова — чтобы ушла сырость и запах плесени. Лишь старое дерево вяза да каменный стол под ним, облюбованный серыми воробьями, придавали этому месту некое подобие уюта.

Дубянь замер посреди двора в лучах утреннего солнца и огляделся. Такая тихая, мирная жизнь... в ней тоже была своя прелесть.

— Ваше высочество, начнем?

— А, да!

Дубянь сосредоточился и начал выполнять упражнения.

Они только закончили, и на лбу мальчика выступила легкая испарина, когда в ворота буквально влетел Е Сяююань. Он сжимал в руках короб для еды, а лицо его пылало от ярости.

— Эти люди с Большой кухни... Неслыханная наглость!

— Что случилось? — Вэнь Сяочунь поспешил к нему и перехватил короб. — Ты вернулся намного позже обычного. Что произошло?

Увидев Дубяня, Е Сяююань невольно попытался скрыть гнев. Он никогда не выказывал при мальчике дурных чувств, и раз уж сейчас не смог сдержаться, значит, его обидели действительно сильно.

Дубянь подошел и потянул Е Сяююаня за рукав:

— Спутник Е, что с тобой?

Тот присел на корточки и ласково смахнул пот с лица принца:

— Вам нужно войти в дом, Ваше высочество. На улице легко простудиться после занятий.

— Спутник Е, это евнух Фу с Большой кухни снова тебя обидел?

Дубянь не отпускал его руку.

Сяочунь поддержал его:

— Да, расскажи нам. Не заставляй всех гадать.

Е Сяююань стиснул зубы и наконец выложил всё как есть.

Оказалось, что вчера вечером евнух Фу ходил во дворец Драгоценной наложницы Лань. Уж неизвестно, чем он провинился, но ему в голову запустили чашкой чая, и теперь на лбу у него красовалась багровая шишка.

Когда Е Сяююань пришел утром за завтраком и вежливо осведомился о его здоровье, евнух Фу пришел в неопишную ярость. Он не только несколько раз пнул бедного слугу, но и опрокинул короб с едой прямо на землю. Разумеется, от завтрака ничего не осталось.

Е Сяююаню было наплевать на пинки, но он не мог допустить, чтобы маленький принц остался голодным. Ребенок в таком возрасте не должен пропускать приемы пищи.

— ...Я надеялся, что они дадут мне хоть что-то другое. Просил хотя бы миску рисовой каши или одну сладкую лепешку.

Е Сяююань снова задохнулся от гнева и открыл короб. Внутри лежали две сморщенные, черствые паровые булочки и жалкая горстка солений.

— Этот Фу долго измывался надо мной. Сказал, что эти соленья — зимний деликатес, который они готовят сами, и что нам ещё повезло их получить. А я ведь видел... соленья эти давно переисли, их никто есть не станет, вот нам и сбросили.

— Деликатес он готовить мастер... С такими талантами ему не на кухне сидеть, а в Саду шелковиц самое место, орудовать ножом!

— Кха-кха!

Вэнь Сяочунь, который тоже злился, от неожиданности поперхнулся.

Е Сяююань тут же осекся, спохватившись:

— Простите мою грубость, Ваше высочество. Такие речи не должны касаться ваших ушей.

Дубянь на цыпочках подошел к нему и погладил по спине, демонстрируя понимание:

— Спутник Е, я ничего не понял. Если хочешь ругаться — ругайся.

«Я вполне могу сделать вид, что не знаю: Сад шелковиц — это место, где калечат мужчин

перед тем, как отправить их во дворец. Да-да, я совершенно об этом не в курсе»

— ... — Глядя в эти чистые, невинные глаза ребенка, Е Сяюань не смог продолжать брань. — Эх, пойдете в дом, нужно поесть.

Сегодня на столе не было ни дымящейся каши, ни сладких лепешек. Трое слуг и хозяин окружили две несчастные булочки и миску кислых овощей. Атмосфера была гнетущей.

Дубянь медленно жевал маньтоу. На самом деле вкус был сносным. Булочки, хоть и подсохли, пахли пшеницей куда лучше, чем в его прошлом мире, а соленья были просто слишком солеными. Если бы у него были зубы покрепче, он бы управился в два счета, но сейчас приходилось размачивать хлеб теплой водой.

Проглотив кусочек, Дубянь произнес:

— Слутник Е, в обед я пойду на Большую кухню вместе с тобой.

— Ни в коем случае! Ваше высочество, разве вам пристало ходить в такие места?

— Я принц. Куда захочу — туда и пойду. Они не посмеют меня ударить.

Е Сяюань хотел было возразить, но увидел решительный взгляд мальчика.

— Когда я буду рядом, они не посмеют тебя обижать.

Слуга плотно сжал губы, не находя слов.

Когда завтрак был закончен, Е Сяюань подал Дубяню книгу, а сам взял пустой короб и вышел. Он не пошел на кухню, как обычно, а просто присел на ступеньки у входа. Закатав рукава, он с силой провел по глазам, оставляя на коже красные следы.

Вскоре рядом с ним молча сел Вэнь Сяочунь.

— Какой я никчемный, — глухо произнес Е Сяюань. — Принц пытается меня защитить, а я даже нормальную еду раздобыть не могу. Маленький ребенок... ему придется смотреть на эти мерзкие рожи на кухне.

Глаза его покраснели, слезы катились по щекам, но голос оставался пугающе ровным. С тех пор как Сяочунь попал во дворец Цзюйань, он впервые видел товарища в таком состоянии.

— Я всегда считал, что Его высочество рожден для счастья и покоя. Стоит ему хоть немного

пострадать, и у меня на душе становится так горько, словно её в масле жарят. Когда госпожа ещё носила его под сердцем, она говорила: мудрость и величие — это клетки, а власть императорского рода — оковы. Она хотела, чтобы принц жил в достатке, но был обычным человеком. Чтобы он был в безопасности и волен в своих поступках.

Тогда я не понимал. Думал: «Боже... императорская семья... баснословное богатство. Как всё это может звучать так плохо в устах госпожи?» Теперь я начинаю осознавать. По крайней мере, когда мои родители были живы, мне не приходилось бороться за каждый кусок хлеба.

Сяочунь помолчал.

— Принц ещё мал, он этого не понимает.

— Однажды поймет.

Выговорившись, Е Сяюань наконец взял себя в руки. Он вытер слезы и достал из короба ту половину булочки, которую оставил Дубянь. Разломив её, он протянул часть Сяочуню.

— Вторую половину оставим Его высочеству. Ты ведь не откажешься? Я уверен, ты голоден.

— ...

Вэнь Сяочунь проигнорировал урчание собственного живота и взял свою четверть булочки.

— Ты прав. Я уверен, что совсем не голоден.

Время близилось к обеду.

Дубянь сложил листок, на котором утром рисовал жареную курицу, и в сопровождении Спутника Е и Вэнь Сяочуня направился к Большой кухне.

Его утренние слова не были пустой бравадой. Если на папашу нельзя положиться, придется действовать самому. С бумагой и тушью он готов был подождать, но еда — это святое! Если так пойдет и дальше, он не то что до ста лет не доживет — он с голоду помрет.

Пусть он и нелюбимый сын, он всё же императорской крови. Если дело дойдет до скандала, правда будет на его стороне. Обед — самое время, на Большой кухне полно людей из всех дворцов. Чем громче он заявит о себе, тем быстрее кто-то будет вынужден вмешаться.

Евнух Юй чувствовал, что Его Величество не в духе.

За те три-четыре дня, что прошли после Великого приема, император лишь раз навестил Драгоценную наложницу Лань, пробыв у неё меньше получаса. О том, чтобы провести с кем-то ночь, не было и речи.

Евнух Юй за это время успел потерять немало волос, пытаясь вежливо отвадить наложниц, которые под предлогом подношения сладостей жаждали увидеть Его Величество. Но никто не знал, что за печаль гложет императора Чунчжао.

— Ступай во дворец Цзюйань, — внезапно заговорил император. — Посмотри, чем кормят ребенка, во что он одет.

Евнух Юй вздрогнул от неожиданности.

— Ваше Величество?..

Император Чунчжао нахмурился:

— Проверь, нет ли каких упущений. Мальчику скоро три. Думаю, если я проявлю немного заботы, Юэцин не станет...

— Слушаюсь.

Юй поспешно поклонился, а про себя подумал:

«Надо же, как быстро сменился ветер»

Всего пару дней назад он гадал, вспомнит ли государь хотя бы о дровах для дворца Цзюйань, а теперь тот посылает своего главного доверенного слугу.

Евнух Юй не стал медлить. Первым делом он решил заглянуть на Большую кухню. Как старший управляющий, он слишком хорошо знал: если хотят известить человека, начинают всегда с еды.

Сначала он посмотрит, что подают маленькому принцу. Оставалось надеяться, что тамошние слуги не зашли слишком далеко в своей наглости.

<http://bllate.org/book/16117/1581597>